

Куземина Елена Федоровна

старший преподаватель кафедры философии
Кубанского государственного технологического
университета
тел.: (861) 232-16-74

МОЛЧАНИЕ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ГОВОРЕНИЯ

Аннотация:

Отсутствие культуры молчания в современном мире связано со страхом не быть услышанным. Молчание перестало быть формой переживания взаимоотношений с Другим.

Ключевые слова:

Молчание, говорение, выразительность.

Kuzemina Elena Fedorovna

Senior Lecturer, Department of Philosophy,
Kuban State Technological University
tel.: (861) 232-16-74

SILENCE AS EXPRESSIVE SPEAKING

The summary:

Lack of a culture of silence in the world related to the fear of being unheard. Silence is no longer a form of experience relationships with others.

Keywords:

Silence, speaking, expressiveness.

Язык философии, по мнению В.В. Бибихина, начинается с выбора - говорить или не говорить; выбирая последнее, выбирается слово, не боящееся окунуться в свое, самого слова, молчание. Можно молчать, когда есть что сказать, молчание здесь предстает как утаивание; но можно дать голос молчанию, и тогда человека хранит «слово, испытанное порогом молчания» [1, с. 34].

Так, в философском говорении слово и молчание не борются друг с другом, они держатся друг другом. Слова проходят испытание тишиной, как и тишина – испытание говорением, чтобы пойти дальше. Поэтому можно лишь присоединиться к бибихинскому пониманию языка как гетерогенного единства молчания и слова – единства, в котором слово предстает, «испытанное порогом молчания». [1, с. 34]. Именно такое единство может помочь нам понять философское говорение, в котором важно не сообщить кому-то информацию, которая без этого сообщения была бы скрытой и недоступной, а важно самому говорящему в самом акте выговаривания, проговаривания себя открыться, обрести себя в этой открытости, вывести, обнажить себя перед Другим. Это раскрытие происходит не только в говорении, сотканном из слов, но и в слушании, в говорении без слов, в молчании, в зонах которого осуществляется язык.

Итак, молчание - не противоположность по отношению к языку, а инаковость, которая представляется нам неким мистическим резервом языка. Умолкающая мысль не перестает быть мыслью. Молчание говорит без слов. Слово может стать изменой тому, о чем нужно молчать. Конечно, есть риск, что молчание, перерастая в умалчивание, будет истолковано не так, как оно того требует, если не скажет само за себя. В борьбе истинности слова и молчания молчание звучит весомее, так как лучше выражает принципиальную неопределимость и ежеминутную изменяемость мира, его протяженность. В этом молчании происходит говорение с самим собой через внутреннюю речь, в которой язык, имея скрытую сущность, прощупывает будущую мысль движением души. И это отсутствие ожидаемых слов порой гораздо уместнее и красноречивее любого разговора.

Отсутствие культуры молчания в современном мире связано со страхом не быть услышанным. Молчание перестало быть формой переживания взаимоотношений с Другим. И если молодых римлян и греков учили хранить молчание различными способами в зависимости от того, с кем они взаимодействовали, то в современном мире молчание наказуемо, оно скорее рассматривается как незнание, а не как способ активизации внимания, толчок к творческой мыслительной деятельности, потребность анализировать и выбирать оптимальные варианты взаимодействия.

Первое осмысление молчания как культурного феномена было осуществлено Платоном. Он отмечал, что наиболее серьезные мысли еще не оформленные и не выходят за пределы молчания, из которого возникают. Проповедь молчания можно узреть в основе религиозно-мистического учения восточной церкви исихазма (греч. – мир, спокойствие, тишина, молчание). Безмолвие в нем выступает как способ познания мира, достижения душевной гармонии, общения и единения с Богом. Такой религиозно-философский аспект рассмотрения молчания понимается как высшая форма мироздания, восприятия действительности, так как мир невозможно объяснить только словами. Итак, молчание рассматривается как некое духовное состояние,

способ мировосприятия, смысловыражения и как средство общения между людьми, способ передачи информации.

В литературе, живописи, театре, музыке и др. молчание получило свое образное выражение. Например, в художественной литературе «говорящее» молчание выступает, в первую очередь, как выразительное средство. Например, графически выраженное молчание – пропущенные страницы у Л. Стерна в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», композиционно выраженное – пропущенные главы в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, заключительная ремарка «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует», финальная немая сцена в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», молчаливая энергия дефиса в поэзии М. Цветаевой. Все это – смыслообразующее молчание, выходящее за пределы текста.

В таком молчании человек говорит о том, о чем безмолвствует мир. В наших жестах и мимике, во всей загадочной символической структуре нашего поведения, в нашем отношении к миру проявляется язык, который звучит в самом человеке, в его внутреннем мире, выражая его отношение между ним и бытием. Мучительность молчания возникает порой не оттого, что человек не может высказать свои внешние проблемы, а оттого, что не может справиться с самим собой, со своими мыслями, со своим сознанием. Поэтому и озвучивание внешних проблем дается ему с таким трудом. Языку не под силу подобная задача. «С его помощью мы можем высказать лишь большую или меньшую часть того, о чем думаем, и он же, язык, становится непреодолимой преградой на пути остальной части наших мыслей» [2, с. 450]. Эта преграда является и возрастающей силой мысли, уходя корнями в безмолвие, мысль питается его неистощимым соком. Такое молчание сродни особому состоянию внутренней тишины, на фоне которого человек может осмыслить краткий миг своего существования. Молчать может только говорящий, но не всякий говорящий может молчать. По мнению М. Хайдеггера, именно многословие, пустословие выступают языковыми формами неподлинности и падения Dasein. Так, в философском говорении умение молчать так же ценно, как и умение говорить. В молчании начинается истинный диалог, диалог душ. Человек погружается в мир молчания, начинает понимать не только себя, но и Другого. В таком молчании фокусируется мышление, рождается и поднимается мысль до философских открытий. Молчание усиливает говоримое, «точно так же восприятие и мышление лучше улавливают изменчивое, чем постоянное. Те, кто живет рядом с водопадом, не слышат его шума. Однако если он прекратится, они услышат неслышное: тишину. [3, с. 71]. Сама по себе тишина ничто, она обретает для нас реальность благодаря своему отличию от шума. Когда смолкает все вокруг и нас вдруг окружает безмолвие, мы чувствуем беспокойство, как будто кто-то суровый навис над нами и наблюдает». [3, с. 72]. В этом безмолвии есть некое затаенное развитие, в котором молчание выступает не просто рече-поведенческим актом, а свободной формой поиска языка, где настолько важен смысл, что молчание становится нужнее слова сказанного. В этой атмосфере собеседники общаются молча и язык молчания здесь самодостаточен. Очень важно ценить эти неяркие, на первый взгляд, мгновения, как предчувствие грядущего возрождения.

Нищета и узость слов, схватывающих лишь логически каркас идеи, нарушают богатство души, поэтому иногда лучше молчать. В этом и состоит трагедия одиночества и непонимания. В этом молчании мы обнаруживаем скрытые сцепления смыслов. Именно в молчании происходит дешифровка скрытой внутренней речи. Вследствие молчаливого характера нашего знания мы никогда не можем высказать все, что знаем, точно также, как никогда не можем в полной мере знать всего того, что имплицитовано нашими высказываниями. [4, с. 384]. Никакими усилиями язык не может быть «очищен» от «несказанного», язык обладает свойством ускользать. Как бы мы не пытались рационализировать семантику, нам никогда не удастся раз и навсегда ликвидировать невыразимость и многосмысленность «живой» речи. Благодаря этому и возникает некая завороченность при говорении.

Если слова в языке нацелены на быстрое преодоление информационного разрыва между говорящими, то молчание – некое семантическое поле для интерпретирования слушающим, которому важно понять говорящего. Молчание – это не равнодушие к слову, это поиск слов для описания молчания. Можно идеализировать ситуацию молчания таким образом, что люди, общаясь, должны были бы «молчать свои мысли», содержание которых еще не искажено и не урезано словом. Язык порой так «переодевает» мысли, что внешне выраженное не позволяет судить в полной мере о форме изначальной мысли. Форма внешнего выражения мысли создается человеком намерено, но совсем не для того, чтобы по ней можно было судить об ее истинности. Мы говорим малую часть того, что имеем в виду, так как большая часть информации имплицитна и расшифровывается с помощью семиотического багажа (имплицитное значение осознается, не имея формы). Но необходимо умение расшифровывать молчание в различных контекстах, иначе понимание будет недостаточно полным.

Молчание, как и говорение, многозначно. Молчание как недоговоренность и сокрытость информации может выступать как элемент семантики слова и высказывания в имплицитных и ненормативных пропусках, в поэтической речи, в метафоре, подтексте, при использовании иронии и т.д., и тогда оно приобретает форму умолчания. Умолчание как частичное сообщение или частичное сокрытия информации имеет временный или постоянный характер. Такой способ сокрытия информации характерен и для эвфемизма – еще одного примера из области речевой полисемии, позволяющей назвать предмет и умолчать о нем. Молчание – широкий простор, позволяющий преодолеть присущую человеку ограниченность словесного выражения. Именно поэтому молчание – это выбор и ответственность, вытекающие из личных, порой мучительных, состояний. Молчание позволяет замкнуть дверь перед всяким светским шумом, «суетным любопытством, разбивающим и уродующим жизнь». [5, с. 466]. Эту функцию молчания П.Я. Чаадаев выразил так: «Нет другого средства уберечь себя от поглощения окружающих... как «ежедневно сосредоточиться и расправить душу в сердечном молчании, потому что мир не сочувствует ничему глубокому» [5, с. 465]. В век современных технологий неспособность слышать молчание перерастает в неумение слышать тихо сказанное. Привлекает только громкое, кричащее. Не нашумевшее, тем более не сказанное, слово не существует или почти не существует. Новая мысль не может начаться, не вслушавшись прежде в молчание. Молчанию трудно остаться тишиной. Оно в любом случае говорит. Вызывающее молчание громче крика. Если рядом с вами кричат, следует говорить тише, но все же говорить, ведь и умолкнуть можно только говоря, как и умереть можно только живя, и именно поэтому у каждого своя смерть, у каждого свои минуты молчания. Как мудро заметил Фома Кемпийский: «истинно говорит только тот, кто по возможности считал бы счастьем молчать». Молчаливое счастье настигает говорящего в безмолвии и раскрывается необъятным простором познания истины вне слов. В молчании, как в границах, в пределах языка происходит работа человека над собой, призванная изменить не знания или язык, а самого человека.

Ссылки:

1. Бибихин В.В. Язык философии. М., 2002.
2. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М.: Радуга, 1991.
3. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
4. Гарин И.И. Что такое философия? Запад и Восток. Что такое истина? М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.
5. Тарасов Б.Н. Чаадаев. М., 1990.

References (transliterated):

1. Bibikhin V.V. YAzyk filosofii. M., 2002.
2. Ortega-i-Gasset KH. «Degumanizatsiya iskusstva» i drugiyе raboty. Esse o literature i iskusstve. Sbornik. M.: Raduga, 1991.
3. Ortega-i-Gasset KH. Dve velikiye metafory. Teoriya metafory: Sbornik: Per. s ang., fr., nem., isp., pol'sk. / Vstup. st. i sost. N.D. Arutyunovoy; Obshch. red. N.D. Arutyunovoy i M.A. Zhurinskoy. M.: Progress, 1990.
4. Garin I.I. Chto takoye filosofiya? Zapad i Vostok. Chto takoye istina? M.: TERRA – Knizhnyy klub, 2001.
5. Tarasov B.N. Chaadayev. M., 1990.